

Перед именем Учителя

В 1923 году в селе Козловка, что под Тагаем, в огромной даже по тем временам семье Никитиных родилась девочка Катя, прославившая позже Ульяновскую область.

В этом году доктору педагогических наук Екатерине Ивановне Никитиной, автору десятков школьных учебников и методических пособий по русской речи и русскому языку, исполнилось бы 90 лет. Среди её наград – орден Трудового Красного Знамени, медаль К.Д. Ушинского, Большая Золотая медаль ВДНХ, многочисленные премии. Е.И. Никитина одна из первых получила звание почётного гражданина Ульяновской области.

Е.И. Никитина (1923–2006)

Профессора Ульяновского государственного педагогического института Екатерину Ивановну Никитину знали и безмерно уважали многие ульяновцы, учёные-педагоги и языковеды страны. Но мне хотелось бы рассказать о тех годах её жизни, когда ещё не было никаких наград и регалий.

Я знал, что журналистов Екатерину Ивановна избегает, но всё же попросил о встрече. Она согласилась, скорее потому, что помнила меня своим студентом.

– Володя, только об одном давай договоримся: обо мне не пиши, – сразу же попросила она. – То, что ты задумал серию очерков о замечательных земляках, дело нужное. Напиши о моей первой учительнице Александре Сергеевне Розановой. Для нашей Козловки она была величайшим авторитетом. Её учениками были и мои родители, да и вся Козловка. Кстати, Александра Сергеевна одной из первых среди учителей в стране была награждена орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Когда меня спрашивают, почему я выбрала профессию учителя, думаю – благодаря Александре Сергеевне. До сих пор помню ту маленькую школу. Знаешь, чем там пахло? Чистотой! Бежала утром деревенская ребятня в школу и с удовольствием рассаживалась около затопленной печки – и начинался урок. Помню самовар с чаем и душистый хлеб, что пекла для школьников по заказу колхоза одна из бабушек. Как мне жалко учеников полуторатьских городских школ, что они лишены такого уюта, обстановки деревенской искренности, что создавала Александра Сергеевна!

Вот так, почти с порога, не успев задать припасённых вопросов, узнал я о замечательном педагоге Александре Сергеевне Розановой, о которой у нас в районе, можно сказать, никто уже не помнит. Немудрено: её нет с нами уже больше полувека, нет и Козловской школы, да и от самой Козловки остались уцелевший остов некогда красивой церкви и несколько немудрящих домов, в которых с весны и до осени живут горожане-дачники. Но пока живы ученики, живёт и память об Учителе.

Надо сказать, что воспоминания о школе и учителе – одни из немногих радостных и приятных воспоминаний тех лет. Всё хорошее заслоняли голод и нищета. Катин отец, Иван Иванович, после смерти родителей в голодном 1921 году поднимал и своих многочисленных братьев и сестёр, и пятерых своих детей. С такой оравой до хлебного Ташкента не доедешь. Но, по слухам, в совхозах жилось полегче, и семья Никитиных снялась с нажитых мест. Поехали вначале в Бекетовку Вешкаймского района, потом – в Екатериновку Сенгилеевского. А нужда и голод плелись, не отставая, за Никитиными.

Школы в Екатериновке не было, ребяташки бегали учиться в Тушну. Туда и обратно километров десять. Не шуточки! А учиться надо как следует. Плохо делать были не приучены. Екатерина школу с отличием окончила, и училище с отличием, и институт. Педагогических училищ в Ульяновске было три: русское, чувашское и татарское. Катя училась на улице Радищева, где сейчас швейная фабрика, во дворе – общежитие. В 1941-м, как началась война, училище эвакуировали

в Городищи Чердаклинского района, а потом в Сенгилей, где оно до сих пор существует. Окончив учёбу с отличием, Екатерина Никитина поступила в пединститут. Страшные военные годы были для неё годами студенчества: секретарь комитета комсомола, сталинский стипендиат. Когда в 1946 году Екатерина пришла на распределение, её уже поджидал директор 2-й ульяновской школы Н.М. Пудовкин.

– Для меня великое счастье, что довелось работать в этой школе и с такими замечательными людьми, преданными своему делу, самоотверженными, умными. Николай Михайлович вёл математику. Но мне, начинающему литератору, становилось даже неловко от его эрудированности в литературе. Помню, он первым рассказал в школе о повести Бориса Полевого. Поразившись мужеству Маресьева, учителя решили организовать психологический кружок по изучению пределов человеческих возможностей. Вести его взялся сам директор. Очень любили его ребята. Николай Михайлович требовал от них оригинальных ответов, самостоятельной интерпретации. Без этого на «пятёрку» у него рассчитывать было нельзя. «Верно, но скверно», – говорил он, ставя «четвёрку».

Если Николай Михайлович поражал своей мягкостью, чуткостью, деликатностью, то завуч – историк, фронтовик Михаил Григорьевич Мелиховский – отличался требовательностью и строгостью. Благодаря ему во мне осталось на всю жизнь чувство дисциплины.

Сейчас трудно представить картину, которая тогда была для нас обычной. В любой день у порога школы

и нас, и учеников встречал директор Николай Михайлович. А Михаил Григорьевич уже поджидал в учительской. У каждого учителя посмотрит поурочные планы, спросит, кого из учеников и почему (!) учитель предполагает сегодня спросить. И если в среду был контрольный диктант, то в четверг Мелиховский уже смотрел его результаты, чтобы убедиться, выставлены ли они в классный журнал. Такая требовательность никого не озлобляла.

...И полетели хлопотливые школьные будни. Маленькие радости смеялись огорчения и наоборот. Больших событий вроде бы и не происходило. Из второй школы Екатерину Ивановну перевели на работу в первую. Ученики любили уроки литературы. Молодая учительница наизусть знала «Горе от ума» и «Евгения Онегина», «Слово о полку Игореве» и целые страницы гоголевских произведений. В Москве уже издали её брошюрку об использовании живописи на уроках литературы. Если и думалось Екатерине Ивановне о научной работе, то связывала она её с литературой, а не с русским языком, преподавание которого считала делом скучным.

Тут подошли хрущёвские реформы. Часы литературы сокращались, увеличивались объёмы трудового обучения. Учебная нагрузка резко сократилась, следовательно, и зарплата. А Никитина была главой семьи. Рос сын. Ещё с нею жили папа, инвалид войны с пенсией 9 рублей, и мама, у которой не было трудового стажа, а, следовательно, пенсии, так как она всю жизнь занималась большой семьёй, и младший брат.

Руководство школы предложило Екатерине Ивановне взять русский язык. Она долго не соглашалась. Надавили: «Завтра по расписанию Ваши уроки в 5-м «А» и в 5-м «В». И она взялась за русский, попутно думая, как сделать уроки более интересными и эмоциональными. Увлекла ребят и... увлеклась сама. Поняла, что в литературе много субъективного, а в языке — неоспоримые законы.

На уроки к Никитиной зачастили коллеги, студенты пединститута. Методист института Валентин Кузьмич Иваненко, очень внимательно и кропотливо следивший за её работой, сказал как-то ей, что у неё практически готова диссертация. Он не

ошибся. Методическое пособие, появившееся из той диссертации («Связанные тексты на уроках русского языка»), стало подспорьем для учителей. А когда он переехал в другой город, то убедил руководство пединститута, что курс методики преподавания русского языка должна вести Е.И. Никитина. Она согласилась, но работу в школе не бросила.

Вот тогда-то мы с ней и познакомились. Мне казалось, что к нам в институт она приходит с некоторой досадой от того, что вынуждена отрываться от своих пятиклашек. Рассказывала она о них взахлёб, читала их искренние сочинения, рассказывала нам о формах и методах своей работы, но не так, как об этом писали сухие учебники, а живо, играючи, так, что слова нашего великого русского языка звенели и поворачивались к нам какими-то особыми гранями. Было в ней что-то от весеннего скворушки, выводящего свои трели и коленца. А мы, будущие учителя, сидели и жалели, что у многих из нас не было в школьные годы такого преподавателя русского языка. Она не была похожа на наших институтских преподавателей. Было в ней что-то родное, деревенское. Не в смысле какой-то сельской ущербности, из-за которой на нас свысока поглядывали горожане. Она была, без всяких скидок, глубоким профессионалом. Но она была простой, доступной, похожей на наших школьных классных руководителей. Каким-то своим женским чутьём понимала тот дискомфорт, в котором оказались вечерние сельские ребята, и пыталась незаметно помочь адаптироваться в городской среде.

Помню, что к окончанию института каждому (!) выпускнику она подарила листов 50 методического материала, разработанного ею и отпечатанного где-то на ротаторе. Эта брошюрка стала незаменимым подспорьем в первые годы работы.

Через полгода после окончания пединститута в 1972 году я попросил Екатерину Ивановну дать мне рекомендацию для вступления кандидатом в члены КПСС. И вот теперь она вспомнила об этом.

— А знаешь, Володя, я ведь к партии отношусь по-прежнему очень хорошо. Безусловно, можно найти, за что критиковать всех и вся. Но нельзя

не удивиться тому, как много и порой абсолютно безвозмездно работали коммунисты. Не объяснить подчас, да и не верят, что мы искренне не рассчитывали на оплату. Помню, как много времени и сил уходило на то, чтобы рабочие шефствующего над школой «Контактора» учились в школе рабочей молодёжи. А индивидуальная работа с неуспевающими, внеклассная работа? Кто требовал за это деньги? Это был гражданский долг. Недавно одна из молодых учителей сказала, что за те деньги, что ей платят, достаточно того, что она просто приходит на работу. Зарплата, конечно, маленькая, кто будет спорить. Но нельзя учителю быть на уровне такой планки.

Беда в квартиру Никитиных пришла неожиданно. Утром, когда, кроме Екатерины Ивановны, в доме уже никого не было, раздался звонок. Она открыла дверь. На пороге с пистолетом в руках стоял незнакомый в маске. Бандит требовал денег и золота. По своей бандитской логике он считал, что у профессора они просто обязаны были быть. А их не было. Книги и рукописи его не интересовали.

Возвратившийся с работы сын нашёл лежащую на полу с пробитой головой мать, пустые гильзы. Четыре месяца врачи не разрешали больной вставать. Она почти не выходила из квартиры. И не только из-за страха, но и из-за того, что лифт нередко ломался, а подниматься по лестнице на девятый этаж ей было не по силам. Врачи-психологи предложили поменять квартиру, чтобы устранить напоминания о трагедии, да и понизить этажность было необходимо. Обратилась она (почётный гражданин области!) в мэрию, там сначала пообещали, а потом за суетой дел забыли о её просьбе. Ходить же по кабинетам у неё не было сил, да и не научилась просить за себя.

Незадолго до смерти Екатерины Ивановны издательство «Дрофа» выпустило сразу пять её книг. Всего же лауреат премии Правительства РФ Е.И. Никитина написала свыше ста книг и десятки методических пособий к ним.

Владимир Кузьмин,
краевед,

главный редактор газеты «Ленинец»